

Интервью с Сергеем Степановичем Марковым (1941-2020) записано 7 октября 2011 года. Публикуется впервые

ЦВЕТ И «ЧЭБЭ»

Темы снов совершенно различные. То, что они бывают почти еженощно, это точно, но самое любопытное и самое обидное, что я просыпаюсь и ничего не помню. Вижу их черно-белыми. Монохром. Я совершенно не принимаю и не понимаю сегодняшнее раскрашивание фильмов, которые вошли в мою память и в мое сердце в черно-белом варианте. Я имею в виду и «Семнадцать мгновений весны», и другие все. Это ни к чему, это совершенно другое восприятие, это другое даже содержание, в конце концов, мне кажется. Нельзя было этого делать. Я за «чэбэ». Кстати, когда только-только появилось цветное телевидение, я начал смотреть на самого себя в цвете. Это было ужасное ощущение, впечатление было ужасное. И накрашенные будто бы губы, какие-то пылающие красные щечки, лобик... Поскольку в «чэбэ», кроме общего тона пудры (этого операторы требовали, чтобы не блестело лицо), гримом мы не пользовались. Меня раздражал цвет. Я за монохром! Мне кажется, что цвет какой-то не естественный, кукольный, красивенький, лакированный. Не люблю я этого. Цвет мешает воспринимать главное, суть изображенного. Монохром убирает все лишнее.

ДРУГОЙ ВЕК, ДРУГАЯ СТРАНА

Я — человек, это звучит гордо! Нет, я скромный советский гражданин, поскольку 90% жизни прожито в Советском Союзе, при той власти, при той партии и так далее... Мне трудновато в нашей сегодняшней жизни. Я молчу, я не возникаю, стараюсь держать многое в себе. Но я так, по-моему, и остался в том времени. Я, наверное, не задумывался о системе, устраивает она меня или не устраивает. Я был молод, был покрепче здоровьем, я очень много работал, я был загружен до жути. Меня не случайно называли в коллективе «рабочая лошадка», «рабсила», поскольку я был единственный мужской голос в крае. И мне некогда было задумываться о строе, о политике, хотя моя работа все равно требовала какого-то отношения к ней. Жить в обществе, извините за банальность, и свободным быть от него нельзя.

Меня часто спрашивают, какое было телевидение двадцать лет назад, какое сейчас? Не сравниваю. Другой век был, другая страна, другой менталитет, другая структура, все было другим. Надо принимать сегодня все по-другому, другие ребята, другая технология, другие возможности, все другое, дай бог им работать в этой системе, при этих условиях. Я всю жизнь мечтал об элементарной вещи — поработать с суфлером. С суфлером! А сейчас они сидят, водят глазами по телесуфлеру и мыслят вроде как. А мы это все на память шуровали. И работали сердцем и головой. Мы же дикторы, мы же диктовали что-то кому-то... Ничего подобного! Я тяготел всю жизнь к журналистике, и очень многое делал сам. Авторских вещей!

Не случайно меня в юбилейные дни Союз журналистов России наградил потрясающим почетным знаком, он называется «За заслуги перед журналистским сообществом». Низкий поклон Союзу за такую оценку скромного моего труда. Значит, что-то я в журналистике тоже сделал. А сейчас они называются телеведущими. Ну название... Хотя нет, суть тоже изменилась. Не буду я оценивать сегодняшних телеведущих. Не задавайте таких вопросов. Успехов им!

Современным телевизионщикам я бы пожелал помнить, что с их приходом в телекомпанию, на радио, не начинается история этой компании, этого радио, она уже существует, и еще до вас. Поскромнее, попроще, без апломба, без амбиций, без гонора. Меня так учили и Левитан, и Высоцкая, и Кириллов, учителя самые главные. И миллион раз убеждался в их правоте. Любите телевидение в себе, ребята, ну банально звучит, а не себя в нем. Вот все, что бы я пожелал.

ЗАБВЕНИЕ — ЭТО УЖАСНО, РЕБЯТА!

Забвение присуще, к сожалению, сегодняшнему времени, сегодняшнему дню. Хотя, я думаю, оно существовало всю жизнь. Это ужасно! Забвение — это ужасно, ребята! Это трагически ужасно. Пока ты в форме, пока ты в здоровье, пока ты в моральном здравии, ты на коне, тебя славят, тебя чествуют, тебя приветствуют, тебя публикуют, ты звучишь, ты снимаешься, тебя показывают, а потом трах — и все, и больше ты никому не нужен. У меня чувство горя, просто горя, хочется рыдать, стонать: за что? почему? Потому что ты же отдавал, ну, все: здоровье, силы, эмоции. Я спокойно относился к себе, к своей нише, но тем не менее думаешь: почему, за что? Ну время, наверное, приходит. Когда-то ведь все-таки тебя отодвинут.

Расплачиваться приходится за все. Я не говорю слово «слава», даже «популярность» не люблю, потому что популярность — это сезонность какая-то. Больше нравится слово «известность». Так вот за известность, ой-ей-ей, за появление на экране расплачиваюсь лично я очень здорово. И страшно расплатился: и страшными болячками, и перенесенными операциями. Первое, что я сам себе говорю в таких моментах: «Все-таки ты — мужик, ты — мужчина, будь мужчиной». Во-вторых, всегда помню завет покойной мамы, которая была большим другом для меня, она всегда говорила: «Держись, не расслабляйся, не унывай». Вот это и, наверное, ее генетика срабатывает, и чувство юмора, оно мне помогает очень здорово.

Большого откровенного предательства не было, но закладывали. Зависти было очень много. Мне всю жизнь почему-то завидовали. Хотя мне все доставалось с трудом. Публичность профессии, наверное. Я все время на виду, меня все время показывают, я несу слово, мне верят, меня слушают, я голос правды, как тогда говорили, голос партии, да и просто, главный голос края.

Вдруг наступил момент однажды, врачи посмотрели кое-какие мои внутренности:

— Так, Степаныч, все, с экрана уходить, иначе конец. Онкология.

календарях не значилась. Представляете, коммунист Марков импровизировал. По шапке не шибко попало, а замечание сделали. Отрываться от текста, который был залитирован и цензорами, и главными редакторами, руководством студии, было нельзя. Один казус чуть не стоил мне карьеры, работы. Поскольку прямой эфир, а никаких компьютеров и принтеров не было, все шло с печатной машинки, и тексты иногда поступали прямо в эфир, мне сбоку помощники подавали. Итак, прямой эфир, новости, читает Нонна Звягина, Нонночка — моя коллега, следующей пойдет моя информация, несколько секунд в запасе у меня. Заголовок: «Перевороты в Кремле». За доли секунды я должен

Сергей Марков.
Фото Александра Быкова

Каково это услышать? Это все, это крест. Но я доверяю хирургам. Хирурги для меня святые люди. Но, слава Богу, а я человек верующий, слава Богу, что все как-то обошлось. Теперь могу говорить, что обошлось.

ПРЯМОЙ ЭФИР

За сорок лет работы не было ни одного ругательного письма, ни ругательного звонка. Замечания, естественно, какие-то были по работе. Это вполне нормально. Вот такой я был весь положительный из себя человек. Без любви к профессии своей, без любви к зрителю своему на телевидении лучше не работать. Кайф в том и заключается — в обоюдной симпатии, любви со зрителем. Меня всю жизнь окружали люди, я работал для них, я работал с ними.

Прямой эфир — это, прежде всего, колоссальная ответственность. Вечная память Николаю Николаевичу Озерову, вот какую фамилию называю, который научил меня ценить и чувствовать минуту эфира. Минуту! И распределять в пятиминутном блоке или сюжете начало, середину и кончало этого материала. Вот все всегда удивлялись: боже мой, как ты точно укладываешься в отведенный хронометраж! Спасибо такому учителю.

«Внимание, говорит и показывает Барнаул. Добрый вечер, дорогие друзья! В эфире Алтайское краевое телевидение. Познакомьтесь с программой передач на сегодня». Однажды я людей поздравил с Рождеством, а эта дата в официальных

сообразить, что за перевороты? И меня включают. Я читаю: «Переговоры в Кремле». А то были бы мне перевороты и сейчас бы мы с вами не беседовали.

Более сорока лет работая в эфире, я никогда не чурался держать рядом словарь для дикторов телевидения и радио, под редакцией моего педагога Майи Владимировны Зарво. Я учил русский язык у Дитмара Розенталя, филологи знают учебники этого автора, а я у него занимался. Немец по национальности — автор потрясающего учебника современного русского языка. Сегодня жутко с русским языком в эфире, особенно числительные склонять почти никто не умеет.

В процессе работы в эфире никаких шуток не допускалось, тут шла серьезная творческая работа, а за кадром — ну, естественно. О-оооо, балдежа было очень много, и розыгрышей, и каламбуров, и капустников, даже в этом совершенствовалось мастерство журналистское.

Бывали смешные штучки. На летучке идет обсуждение недельной программы, выступает рецензент: «В киноочерке «Мечте навстречу» диктор Марков залез на бабу». Профессионально правильно сказано. Это значит: женщина-доярка начала уже синхронную речь, а я все еще читаю текст.

КНИГА

Я вообще не ожидал и не думал, что решусь на книгу. Но себе дорогому и любимому к шестидесятилетию, десять лет назад, хотелось сделать какой-то подарок. Но и подбивали коллеги, друзья. Мы отдохали накануне моего шестидесятилетия в санатории, это было зимой, делать было шибко нечего, я иногда садился, почти что, как Шукшин, где-то там на приступочек, на окошечке в номере, и пописывал. Хотя мог бы нанять писателя, литератора,

наговорил бы ему на диктофон, он бы красиво все это оформил, организовал. А потом думаю: «Зачем? Серега, попробуй от сердца, от души, простыми, бесхитростными словами. Ты филолог, в конце концов». Было два издания этой книги. К шестидесятилетию вышла очень маленькая, скромненькая книжечка, а сейчас ее издали интереснее, красивее, солиднее, ну и вторая часть там дописана. Первый вариант назывался «Страницы воспоминаний», второй — «Монолог о жизни». Там всего понемножку: детство, юность, театр. Естественно, самая главная глава — телевидение. Товарищи, друзья, любовь, дети, внуки. Книга не предназначалась для продажи. Тираж первого варианта 300 экземпляров: 100 — телевидению, 100 — радио и 100 — телецентру. Даже друзьям не досталось. Моим зрителям, которым это было бы интересно почитать, книжка недоступна.

ДЕТСТВО

Мне кажется, детство было счастливым, хотя оно пришлось на тяжелые военные и послевоенные годы. Я родился в 1941-м, в сентябре. Представляете, что это. Ой, а в школу пошли. Сохранился снимок, он, кстати, в книге есть. Мы — первоклассники, какие-то матерчатые сшитые сумки, портфелями-то назвать неудобно, почему-то через плечо носили. Одеты кто во что горазд, но тем не менее опрятненько и чистенько. Папа ушел на войну и, вернувшись в 1944-м, через год умер от ран. Я рос с бабушкой и мамой. Они делали все возможное, чтобы я как-то чувствовал детство. Никаких излишеств не было, потому что мама была на очень скромной зарплате. Меня любили, меня боготворили. Я с тех пор ко всем женщинам отношусь с пиететом и трепетом. Рос в основном с женщинами, ну до определенного времени, потом мама вышла замуж, появился отчим. Мне было уже девять, десятый год, какое-то мужское влияние должно было быть пацану.

Детство школьное, патриотичное, сталинское. В 1953 году я получил красивую ленту через всю грудь «Победителю краевого конкурса чтецов». И не детского, это был общий конкурс, а я был школьником.

Спасибо вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас вы думали в Кремле,
Мы как вам верили, товарищ Сталин,
Как, может быть, не верили себе, —

вот за эти стихи я получил ленту.

Мы сразу вступали в пионеры, октябрята появились позже. Пионерская организация, комсомольская. Я ни о чем не жалею, что это было, мы же верили в идеалы.

Артист

Так случилось, что я всю жизнь мечтал об актерской профессии, я мечтал быть артистом. Может быть, гены папы сработали. Папа мой Стёпа Марков был художником в нашем драматическом театре. Я с детства читал стихи, копировал артистов, разыгрывал сценки. После окончания школы приехала выездная группа ГИТИСа, такие были модные набегивающие москвичи, и они отбирали талантливых ребят для поступления в вуз. Я был отобран для поступления в ГИТИС. От счастья на сотом небе. И когда надо было выезжать для сдачи экзаменов, я заболел. И не поехал. Чтобы не терять времени даром, я выбираю филологический факультет педагогического института. Должен сказать, что у меня было увлечение и школой. То есть я любил класс, любил собирать вокруг себя ребяткишек. Две параллельные симпатии: к театру и к школе.

Я считаю, что педагог — это тоже артист. Но поскольку я готовил документы для ГИТИСа, для театрального института, когда я подал документы в наш педагогический институт в 1959 году, все страшно удивлялись: «Артистов у нас еще не было в институте». Я им показал, что такое артист, из самостоятельности не вылезал. И все поэмы Роберта Рождественского и Евгения Евтушенко, еще тепленькие, недавно вышедшие, мы читали на память с Геней Пановым и другими ребятами. Гена Панов — мой сокурсник. Мое увлечение театром пригодилось в институте. И уже на первом курсе телевидение вмешалось в мою судьбу.

В комиссии по отбору в ГИТИС принимал участие главный режиссер театра драмы Борис Соломонович Володарский. И когда я не смог поехать в Москву, я пришел к нему, это было еще до поступления в пединститут, он меня с удовольствием взял во вспомогательный состав театра. Я сезон работал в театре драмы, сыграл несколько ролей. Один из спектаклей, сказка, тогда ТюЗа еще не было, «Тайна светящегося камня». Я играл главную роль — пионера Витю. Его показала барнаульская студия телевидения, меня заметили: «симпатичный фактурный мальчик» — и пригласили на молодежную передачу, на одну, вторую, третью, и посыпались передачи. До 1963 года, до окончания института, я сотрудничал с телевидением вне штата. Получил приличный опыт. А когда окончил институт, меня взяли в штат.

БЫЛА ЭПОХА

Студенческие годы — это были подчитка за кадром, подготовка материала для новостей, ведение новостей в кадре, а также я выступал ведущим молодежной программы «Дела студенческие», это была программа о вузах Барнаула. Потом, чуть позднее, мне уже поручали вести культурологические программы. Встречи с режиссерами, артистами театра, кино, писателями, поэтами, музыкантами. Все было на полном энтузиазме, потому что профессионалов телевизионных не было, да и быть не могло, потому что даже факультеты журналистики радиальных и телевизионных специалистов не готовили. Режиссерские и ассистентские должности занимали работники театра, актеры, и все учились друг у друга. Журнал «Советское телевидение и радиовещание» читали от корки до корки. Не имея передвижной телевизионной станции, из теперешней стоматологии, а мы работали на Ленина, 80, студийные кабели от камер мы раскидывали по деревьям до Октябрьской площади, чтобы показать демонстрацию трудящихся. «Товарищи, с Первомаем! Солнцем! Весной! Цветением! Мы нынешний май встречаем с особым настроением!» — эти стихи я, наверное, лет десять читал, потому что лучше нельзя было сказать начальных слов.

«Да, здравствует 1 мая! День международной солидарности трудящихся! Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Ура!» И так далее. Люди шли балдежные, может, чуть-чуть поддатые, ну и что, это праздник, вот оно где было единение, единение народа. Мы, журналисты, собирались своей бригадой, выпивали рюмку, заедали бутербродами.

«Воодушевленный решениями двадцатого съезда партии, проходящий сегодня по площади

коллектив Алтайского моторного завода взял повышенные социалистические обязательства. Мы накануне праздника побеседовали с бригадиром цеха номер пятнадцать Иваном Ивановичем Пупкиным, который нам сказал: «Мы решили пересмотреть свои обязательства и выполнить план досрочно, к 1 декабря»». Это сейчас вызывает ехидную улыбку, но это была жизнь, это было время, это была эпоха.

Каналов было меньше гораздо, два, потом третий появился. А сейчас 65 у меня, а смотреть-то, в общем-то, нечего, некого.

НЕ СТИЛЯГА

Нет, стилигаой я, конечно, не был и галстуков не носил, и буги-вуги не танцевал. Наверное, оттого, что довоенные пластинки у нас еще сохранились. Патефон имела далеко не каждая семья, у нас было даже два патефона. Один маленький, портативный. И почему-то на очень многих пластинках был штамп «Продаже не подлежит». Потому что это был Козин Вадим, тогда запрещенный. Это был Пётр Лещенко. Какие мелодии, какие тексты, какая музыка! Я ведь помню единственный концерт Козина в Барнауле. Я совсем молодой, десятиклассник. Единственный концерт в театре драмы. Тогда лучшая площадка была — театр драмы на Ползунова. Естественно, сверханшлаг. Это было что-то! Какая аудитория! Старые дамы в пронафталиненных шарфах 1920-1930 годов, его поклонницы. А позже появилась Алла Баянова, которая была лучшим другом Лещенко, и она многие вещи, которые он пел, возродила и принесла на нашу сцену.

Я работал со многими советскими композиторами, брал интервью у Аркадия Островского, Льва Ошанина, Бабаджаняна, Мигули, Таривердиева.

У меня не было свободного времени в институте. Мы мотались с телебригадой по всему Алтайскому краю. Какие ребята там были! Плюс драматический коллектив.

Я убегал с лекций и семинаров на телевидение. Прямой эфир репетировался утром и днем, а вечером — вживую. Поэтому день был загружен. С восемнадцати лет. У нас городских ребят было очень немного на курсе, в основном из села, и вот это чувство коллективизма, дружбы, конечно, принуждало меня не вылезать из общезжития. А что такое студенческое общежитие? Каждый знает, что это такое. Иногда мы были голодными, но бутылочка вина всегда присутствовала. Для настроения, поговорить, перекурить. Иногда, после пятой рюмки курил и я, но всерьез никогда этого не делал.

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА

Я никогда не торопился влюбляться, встречаться. Опять же был занят, опять же телевидение, опять же работа, некогда. Хотя, меня, конечно, донимали девочки! Боже мой, телефонные звонки, встречи, свидания, цветы у подъезда. Наверное, не торкнуло. Относился к этому с юмором, иногда свидание назначишь разным и никуда не пойдешь. У меня было достаточно ребят, с которыми было гораздо

интереснее. И вдруг сразу, резко, случайно, на Ленинском проспекте (мы фланировали от гостиницы «Алтай» до Октябрьской площади). Совершенно случайно встречаюсь с девушкой и, наверное, влюбляюсь с ходу. Это было в мае, а в ноябре мы поженились. И сорок пять лет вместе! Меня часто спрашивают: «Сергей Степанович, как, вы один раз женаты?» Вот такой я необыкновенно счастливый человек. Семья для меня это тыл. Всегда ду-мал, что это пафосная фраза, но так оно и есть. Как сказал Томас Джефферсон: «Только дома, в сердце своей семьи, я чувствую себя счастливым».

Друзей много не может быть, но у меня несколько друзей. Они были потрясающие ребята! Это по-настоящему, это честно, без фальши. Почему говорю «были», они ушли. Они ушли из жизни по разным обстоятельствам, кто-то от болезни, кто-то по глупости, кого-то убили. Смерть... Ну мы понимаем, что мы не вечные, конечно, всех нас она ждет, но уж шибко она иногда внезапно приходит. Ну нельзя забирать так рано! За что? Стараюсь не думать о смерти, в этом, наверное, счастье, что мы не ждем своего часа.

Сейчас я стремлюсь к тому, чтобы у меня было побольше здоровья. Чтобы выучить своего внука, у него третий курс университета, я безумно его люблю, у нас отличные дружеские отношения.

Главное дело своей жизни я сделал. За что я получил и награды, и благодарности, и любовь зрителей, и забвение...

Я НЕ ПОЖАЛЕЛ

Из высшего эшелона государства я ни с кем не контактировал, а с высшими лицами края — ну естественно! Я ведь нес голос краевого комитета партии, крайисполкома. Больше всего запомнился Александр Васильевич Георгиев. Это был потрясающий руководитель края, которого очень уважали, с трепетом к нему относились. Он уважал и ценил край и людей края. Я помню, у меня появилась возможность уехать, ну молодость, меня приглашали ой-ёй-ёй в какие студии: Москва, Ленинград, Киев, Саратов, Куйбышев, вся Сибирь, Дальний Восток и так далее. И я хотел уехать в Ленинград, тогда это было сильнейшее телевидение в Советском Союзе. Я уже подал документы, прошел мандатные дела, и мне надо было вылететь на три-четыре эфира, и меня кто-то закладывает Георгиеву. Вызывают на ковер. Я вышел оттуда мокрым. Он сказал: «Ты лицо края, ты воспитанник Алтая, какое ты имеешь право уезжать отсюда?» Я не пожалел. Совершенно не лукавлю и не выпендриваюсь, мне отлично работалось здесь.

ВСЕ БУДЕТ

Я оптимист. Верю, что революционные моменты в жизни России все-таки пройдут, и пусть не в том объеме, не в той структуре, не совсем так, как оно было, но все-таки появится вещание. Не только программы, наполненные криминальными сенсационными сюжетами, но вернется детское вещание и молодежное. Мы живем в аграрном крае, но у нас нет сельскохозяйственного вещания, ребята! Нет музыкального вещания, которое было одним из лучших. Я верю, что это будет! Будет! Будет! Да, я буду по-стариковски несимпатичен, но телевидение всегда несло в себе заряд гордости, достоинства, человечности, в конце концов. Мы все это растеряли. Плохо! Трагично! Кого мы готовим из подрастающего поколения?

На этом Алтайское краевое телевидение свое вещание заканчивает, всего вам самого доброго, до следующей встречи!

Записал Александр Быков